

О. И. Ставцева¹

СВОЙ, ЧУЖОЙ, МНОГИЙ...

(К анализу концепта «множество» в современной мысли)

Концепты «свой–чужой», их противопоставление вводят нас в тематику взаимоотношений с «другими», вторжения «других» в нашу культуру, встречу или исключение их, отсылают к концепциям толерантности и мультикультурализма. Действительно, в современной культурной ситуации, которую можно описать исходя из идей глобализации и взаимодействия культур, мы видим вокруг себя, общаемся, имеем дело с представителями других культур. Так ли они чужды нам? Отличаем ли мы их от «своих»? Приложимы ли к ним категории «свой», «чужой», явно говорящие нам о границах культур? Я постараюсь ответить на эти вопросы, обращаясь к концепции известного современного итальянского философа Паоло Вирно, который рассматривает новый тип социальных и политических субъектов.

Для осмысления современной публичной сферы П. Вирно применяет понятие «множество», противопоставляемое им понятию «народ»². В новоевропейской философии, в частности у Т. Гоббса, множество не используется широко, скорее рассматривается негативно, сводится к «естественному состоянию», из которого необходимо выйти, чтобы стать государством. Если раньше понятие «множество» каким-то образом мыслилось в эпоху господства государственно-центричного мышления, то современное множество сопряжено с категориями «частное», «индивидуальное». «Современное множество состоит не из “граждан” и не из “производителей”. Оно находится посередине между “индивидуальным” и “коллективным”, и разница между “индивидуальным” и “коллективным”, и разница между “общественным” и “частным” для него не имеет значения»³.

Прибегая к хайдеггеровской оппозиции страха и тревоги⁴, Вирно проясняет различие между традиционным и современным типами общества. Вирно отмечает, что само это различие определенного страха и неопределенной тревоги есть и в традиционных обществах, он как раз и знаменует собой границу между «своим» и «чужим»: «Страх размещается внутри общества, внутри его форм жизни и связей. Тревога... появляется тогда, когда мы удаляемся от исходного общества с его разделяемыми большинством привычками и общеизвестными “языковыми играми”. Вне общества опасность повсеместна, непредсказуема, посто-

янна и, суммируя, тревожна»⁵. Альтернативой страху Вирно считает уверенность, гарантируемую обществом, альтернативой тревоге — опыт, предлагаемый религией.

Таким образом, очевидно, что чертами традиционной культуры являются отчетливость границы между «своим» и «чужим», разделение между «внутри» (мир привычного) и «извне» (враждебное, чужое). Понятие множества основывается на исчезновении подобного разделения, и мы считаем нечто чуждым только в той степени, насколько мы сохраняем приверженность к определенной традиционной культуре, которую мы можем называть в данном случае «своей». Мы постоянно находимся под воздействием чего-то непривычного и неожиданного, отчасти из-за постоянно изменяющейся и обновляющейся реальности, в которой нет разделения на стабильное, внутреннее и неизвестное, внешнее, поэтому, как утверждает Вирно, различие между тревогой и страхом исчезает, но не они сами: «наблюдается полное наложение друг на друга страха и тревоги»; «страх всегда тревожен, описанная опасность ставит нас перед лицом общей рискованности существования в мире»⁶. Особенностью способа бытия множества является тотальная незащищенность по отношению к миру. Вирно характеризует ее словами М. Хайдеггера так: «невозможность ощущать себя в собственном доме»⁷. Ответом на эту незащищенность являются опасные поиски защиты: «передача своих прав суверену (сильному или опереточному, неважно), судорожной расталкивание других локтями ради собственной карьеры, ксенофобия...» — перечисляет Вирно различные стратегии успокоения, принятые множеством, отмечая при этом, что колебаний между этими стратегиями «народ», единый с верховным сувереном, не знает⁸. Множество, не ощущающее себя в собственном доме, подобно бездомным, иностранцам, чужим. Это колебание, поиски защиты Вирно связывает с такой чертой, описанной многими пишущими о городах авторами (Г. Зиммель, В. Беньямин и др.), как инфантильность городского поведения. Она выражается в неопределенности, неустановленности поведения горожан, отсутствию твердых привычек, традиционных сообществ, этоса, то есть всего того, что составляет основу устойчивых обществ. «Повторение, которое нечем заменить, преобладает», — констатирует Вирно⁹.

Множество не противоположно Единому, оно есть собрание отделившихся от традиционных культур единиц, «результат бегства от Единого», — пишет Вирно¹⁰.

¹ Вирно П. Указ. соч. С. 24.

² Там же. С. 25. Так, российский исследователь концепции множества П. Вирно А. Пензин комментирует: «потеря работы вызывает конкретный страх, но связана и с тревогой как опытом неопределенности» (Пензин А. Паоло Вирно: «грамматика множества» как антропология капитала // Синий диван. 2006. № 8).

³ Вирно П. Указ. соч. С. 26–27.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 40.

¹ Доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

² Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

³ Там же. С. 16.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ад Маргинем Пресс, 1993. С. 184–190.

Особую рациональность, присущую множеству, Вирно описывает с помощью марксовского понятия «всеобщий интеллект» (General Intellect). Под всеобщим интеллектом понимаются наука, знание в целом, которое используется в современном производстве, способность к мысли и вербальной коммуникации, Интернет, а также господство «общих мест» в речи. Это иной тип универсальности, нежели государственное, политическое единство. И в этом смысле, на фоне отсутствия традиционных обществ, специфических черт, привычек, обычаев и тому подобного, в современной культуре нет чужих, поскольку нет и своих, все одинаковы, одни из многих, единицы множества.

Таким образом, если совсем недавно принято было мыслить современную культурную ситуацию в терминах идентичностей, вторжения чужого в мою культурную среду, толерантности, «плавильного котла» или, позднее, мультикультурализма, то предлагаемое Паоло Вирно описание, исходящее из понятия множества, создает другую перспективу анализа, отражающую динамические изменения и структурные конфигурации современной культурной ситуации.

Подобным образом ситуацию описывает С. Жижек, когда характеризует страстные поиски людьми своих

«корней», возвращение к различным формам этнической или религиозной «сущности» как бессильные перед лицом глобального наступления капитала: «в области самих идентичностей, вызванных наступлением капиталистической глобализации, присутствует внутренний разрыв: с одной стороны, так называемые внутренние “фундаментализмы”, основной формулой которых является формула идентичности своей собственной группы, предполагающей практику исключения угрожающих Других... с другой стороны, существует постсовременная мультикультуралистская “политика идентичности”, нацеленная на терпимое сосуществование постоянно меняющихся, “гибридных” групп, ведущих свой особый образ жизни»¹. Подорванность постсовременной идентичности приводит к ее почти полному, за исключением внешних свойств, размыванию, исчезновению. Как отмечает Жижек, раздельная линия между мультикультуралистской политикой идентичности и фундаментализмом чисто формальна, а фоном, на котором процветает это множество групп, является капиталистическая глобализация. В связи с этим в теоретическом поле важным является вопрос о событии или жесте универсальной истины, который изменил бы эту ситуацию в целом.

¹ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 286–287.